

КУКСО Ксения Александровна / Kseniya KUXO

| Регулярная анальгезия: социальная рецепция ранних анестезиологических открытий |

КУКСО Ксения Александровна / Kseniya KUXO

Россия, Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургский Государственный Университет технологии и дизайна.
 Кафедра истории и теории дизайна и медиакоммуникаций.
 Кандидат философских наук, доцент.

St. Petersburg, Russia.
 St. Petersburg State University of Technology and Design.
 Department of Design's History and Theory and Media Communications.
 PhD, Associate Professor.

korsbai@mail.ru

РЕГУЛЯРНАЯ АНАЛЬГЕЗИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ РЕЦЕПЦИЯ РАННИХ АНЕСТЕЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ*

Статья представляет экскурс в историю социальной адаптации ранних достижений научной анестезиологии. Посредством генеалогического метода автор определяет культурные факторы, предопределившие начало распространения бытовой анальгезии. Обзор коллективных реакций на анестезиологические открытия первой половины XIX столетия результирует в набросок экзистенциальных влияний круговорота анальгезии в европейской культуре.

Ключевые слова: культурная утилизация боли, коллективная чувственность, анестетики, повседневная анальгезия, онтологический ущерб

Regular Analgesia: Social Reception of Early Anesthetic Discoveries

The excursion into the history of social adaptation of the early achievements of scientific anesthesiology is presented in the article. Using the genealogical method, the author defines the cultural factors that predetermined the beginning of the distribution of regular analgesia. A review of the collective reactions to the anesthetic discoveries of the first half of the 19th century results in a sketch of analgesia's existential influence on European culture.

Key words: cultural disposal of pain, collective sensuality, anesthetics,, ontological damage

В фокусе текста — феномен регулярной анальгезии, неустрашимый из метрики современности. В антропологических экспликациях данного, к сожалению, догматичного положения дел нет недостатка¹. На этом фоне интерес представленного исследования менее притязателен: в нем будет прослежена генеалогия коллективной чувственности, впервые проникшейся пафосом к безболезненному проживанию. Реконструкция ее мировоззренческих и социальных основ выступила для текста сверхзадачей. Данная познавательная инициатива связана с мотивом уяснения одного крайне влиятельного для человеческой онтологии исторического сдвига: изгнания боли из сферы чувственной достоверности, переопределения ее как предмета технологических и фармакологических воздействий, подготовивших эпоху ее сверх-субъектного существования — податливости силам науки и полной утраты для персонального проживания.

В этой связи представляется полезным обратиться к периоду начального воспитания коллективного вкуса к анестезио-

логическим достижениям. Массовое распространение анальгезии произойдет позже — уже в границах викторианского мира, социальная структурированность которого предопределила распространение бытового экзорцизма даже минимальных болей. Современный энтузиазм потребления анальгетиков рождается в среде предприимчивых викторианцев как следствие императивных для нее требований бесперебойности экономически-эффективной деятельности и тотализации жизненного комфорта. Мы займемся менее провокативным материалом — социальными обстоятельствами, которые мотивировали первоначальное вхождение анестетиков в европейский быт.

I. Пантеистическая греза романтиков

Официальное открытие первого анестетика состоялось в 1799 г. В Клифтоне, недалеко от Бристоля, был учрежден Пневматический институт с целью изучения влияния на человеческий организм газов. Для идейного вдохновителя данных разработок, удачно синтезирующего в себе способности блестящего химика и незаурядного поэта, Гемфри Деви был соз-

¹ Среди наиболее ярких трудов по этому вопросу следует отметить работы Э. Юнгера, И. Иллича, Э. Фишер-Хомбергер, К. Дернера, Ж. -Л. Нанси, Ж. Липовецкий, В. В. Савчука, Г. Р. Хайдаровой.

* При поддержке РФНФ, грант №13-33-01251.

КУКСО Ксения Александровна / Kseniya KUXO

| Регулярная анестезия: социальная рецепция ранних анестезиологических открытий |

дан благоприятствующий открытиям климат. Как следует из письма учредителя института доктора Томаса Бедоо: «Он вовсе не обязан открывать целительные свойства газов для той или иной болезни; он может заслужить аплодисменты ясными доказательствами даже отрицательных результатов»². Именно в этой атмосфере в 1799 г. Деви активно экспериментирует с закисью азота и обнаруживает у себя ослабление зубной боли. Так официальная версия акцентирует случайность открытия первого анестетика. Однако близость Деви к лейкистам позволяет усмотреть здесь программный продукт романтического сообщества.

Постоянными спутниками экспериментов Деви были его близкий друг С. Т. Кольбридж и Р. Саути, чье воодушевление идеей пантисократии общепризнано в истории мысли. Хорошо известно, что пантисократия как состояние полноты равноправия всех проявлений божественной жизни являлась целью поэтических и жизнетворческих экспериментов романтиков. Отвечая ей, каждая единичная жизнь (в том числе альбатроса, ворона — как у Кольбриджа, мыши — как у Бернса) самоценна, и насилие против живой экзemplарности возвращается бумерангом к собственному провокатору³. Активное экспериментирование с веселящим газом укладывалось в этот жизнетворческий проект — закись азота была неплохим медиумом очевидности искомой жизненной полноты.

И позитивистский аргумент удачно синтезировался с метафизическим посылом: Деви отмечает ослабление под воздействием веселящего газа туберкулеза и паралича⁴. Так психотропный эффект веселящего газа дополняется его медицинским значением; закись азота ослабляет страдания отдельной жизни, а значит, действительно, является хорошим проводником пантисократии. Иными словами, открытию первого анестетика способствовал парамедицинский контекст. Однако разрабатываемая романтиками связь веселящего газа с мистикой полноты жизни могла быть уяснена только в узком интеллектуальном кругу. Это, во многом, предопределило отсутствие ее исторического дальнего действия. Первый полномасштабный выход анестетиков на улицу состоялся в другой культурной рамке — уже в связи с просветительской популяризацией науки.

² Из письма Т. Бедоо Джильберту. Цит. по: Могилевский Б. Гемфри Деви. / Б. Могилевский / М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 46.

³ На что, к примеру, указывает фабула повествования старого моряка, связывающего все свои ужасные претерпевания с убийством «незлого» альбатроса. См.: Кольбридж С. Т. Поэма о старом моряке. Любое издание.

⁴ «Мои открытия в области закиси азота — «веселящего газа» — начинают привлекать всеобщий интерес. Эксперименты были успешно повторены профессором Эдинбургского университета, начавшим работать в том же направлении. Я получил письма с благодарностями и похвалами моей работе от крупнейших ученых Англии. Мне стыдно быть таким эгоистом, но я не могу говорить об успехах Пневматического института, не говоря о себе. Число наших пациентов все увеличивается, и институт, несмотря на политическую ненависть к его основателю, пользуется везде большим уважением, даже в коммерческом городе Бристолье. Я скоро пошлю Вам отчет об успехах в излечении самых упорных болезней новыми лекарствами. Закись азота оказалась весьма полезной в некоторых случаях паралича». Из письма Г. Деви к доктору Тонкину. Цит. по: Могилевский Б. Гемфри Деви. С. 72.

II. Анестетики и Просвещение

Здесь показателен курьезный контекст социальной рецепции первого артефакта научной анестезиологии. В 20–40-х гг. XIX века два самолегитимированных профессора Самуэль Култ и Гарднер Квинси Кольтон колесили по восточным штатам Америки с забавными аттракционами от науцпопа — на организованных ими дивертисментах состоятельной публике демонстрировалось чудо электричества, телеграфа и занимающего нас веселящего газа. В 1843 г. удравший из медицинской школы «профессор химии и натурфилософии» Кольтон организовал в Нью-Йорке масштабное шоу, где пьянящее действие веселящего газа мог испытать на себе каждый из собравшихся четырех тысяч человек. В свою очередь, гонорары не получившего даже школьного образования доктора Культа послужили капиталом для последующего массового производства шестизарядного револьвера Colt. Данные факты указывают на колоссальную популярность первых массовых демонстраций анестезийных свойств закиси азота. Так Кольтон делает веселящий газ главным номером своих гастролей; ставка на ожидаемый ажиотаж сквозит в газетном объявлении о представлении в Хартфорде (1844 г.): «Сорок галлонов газа будут приготовлены и отпущены всем желающим вдыхать его в аудитории. ... Газ выдыхает у тех, кто вдыхает его, либо смех, пение, танцы, разговорчивость или буйство и т. д. и т. п. в соответствии с главной чертой характера. Но, кажется, что все сохраняют сознание настолько, чтобы не высказать или не сделать того, о чем они после пожалели бы. Газ будет отпускаться только джентльменам из лучшего общества. Задача развлечения — сделать его занятием, приятным во всех отношениях. Мистер Кольтон дал два аналогичных представления прошлой весной в Таверне Бродвея в Нью-Йорке. ... Его желание и намерение — заслужить и приобрести покровительство и расположение публики первого класса. Он верит, что они будут смеяться больше, чем смеялись за последние шесть месяцев. ... Мистер Кольтон даст частное представление для дам, которые пожелают вдыхать газ во вторник, между двенадцатью и тринадцатью часами бесплатно. Никто, кроме дам, не допускается. Это делается для тех, кто хочет вдыхать газ без свидетелей»⁵.

Важно, что во всех этих балаганных дивертисментах номер с веселящим газом, как правило, соседствовал с телеграфным и электрическим шоу. Эти демонстрации воздействовали на зрителя преимущественно непостижимостью своих эффектов — телеграф суггестировал возможность транслировать мысли на расстоянии, электричество — приводить в многообразии движений мертвых животных. Для коллективной рецепции этот потенциал научных изобретений представал буквальным чудом. Данный рецептивный фон пробудил массовый интерес к анестезиологическому ноу-хау — веселящий газ мгновенно менял поведенческий гештальт и тем самым завораживал массы новой уже научной волшебной силой.

В этой атмосфере и стартовала научная анестезиология. Известно, что в то время хартфордского дивертисмента Кольтона дантист Хорас Уэллс наблюдает, как его знакомый нанюхавшийся веселящего газа аптекарь Сэм Кули продолжает

⁵ Цит. по: Smith G. B., Hirsch N. P. Gardner Quincy Colton: pioneer of nitrous oxide anesthesia / G. B. Smith, N. P. Hirsch // *Anesthesia & Analgesia*, March 1991.

КУКСО Ксения Александровна / Kseniya KUKHO

| Регулярная анестезия: социальная рецепция ранних анестезиологических открытий |

буйные песни и пляски, несмотря на разбитую в кровь голень. Позже Уэллс активно экспериментирует с записью азота над собственным телом. И здесь показателен случай из его первых анестезиологических проб: «Риггс [ассистировавшим Уэллсу при удалении зуба с применением веселящих паров] ... с неожиданной решительностью подошел к дверям и распахнул их, чтобы подготовить путь для побега на случай, если у Уэллса под действием большой порции газа начнется буйное помешательство»⁶. Данный эпизод свидетельствует, что при начальных экспериментах как раз профессионалы от медицины крайне насторожено относились к чуду анестетических воздействий. И, напротив, оно мгновенно вызвало массовый отклик: число пациентов клиники Уэллса молниеносно возросло после известия о возможности полного отключения чувственности при стоматологических процедурах.

Хорошо известно, что легитимировать авторство на данное изобретение Уэллсу самым банальным образом помешала случайность. В январе 1845 г. в Центральной бостонской больнице Уэллс терпит провал на публичной демонстрации своего открытия: случайный анестезируемый обладал толерантностью к веселящему газу только вследствие своей регулярной алкоголизации, что предприняло катастрофу показательного выступления провинциального дантиста⁷.

III. Эфирные шалости

Однако все это только подстегнуло разведку боем в поле анестезиологии. Перехват научной инициативы осуществляет ассистент Уэллса Уильям Мортон, рессентиментный этос которого разрешается в методичное планирование анестезийного действия. В сентябре 1846 г. Мортон получает у авторитетного в химических и медицинских кругах Ч. Джексона аналог по психотропным эффектам веселящего газа — серный эфир⁸. К этому времени эфир используется как растворитель и препарат для лечения дыхательных путей: небесным огнем в жидком состоянии купируют астматический и коклюшный кашель, а также пользуются в ходе чахоточной терапии (Варрен; Вулкомб). Кроме этого, эфир был широко известным инструментом по экзистенциальным модификациям. Эфирные посиделки практикует английская аристократия: после публикации М. Фарадея отчета о психотропном действии паров эфира (1818 г.), где последний определен как индикатор аффективного фона, а при передозировки — и провокатор длительной летаргии⁹, ан-

глийская аристократия начинает разгонять скуку обыденности эфирной эйфорией. В свою очередь и Новый Свет не остался без нового эфирного сознания. Вспомнив «эфирные шалости» своей университетской юности, доктор из Джорджии Кроуфорд Лонг в 1842 г. удачно заменяет традиционную использующую виски анестезию эфирной и открывает ее беззаботность для нового поколения.

Кроме этого, в 30-е годы эфиромания захватывает ирландское захолустье. Здесь вышла крайне курьезная история. Все началось, когда монах-капуцин Теобольд Мэтью инициировал первую антиалкогольную кампанию. Организовав 1838 г. Общество абсолютной трезвости, за год он побудил сто пятьдесят тысяч человек дать обет полного воздержания от алкоголя. Через пять лет уже свыше трех миллионов ирландцев принимают сухой закон¹⁰. Однако, в эти же годы в провинциальном Дрейперстауне местный аптекарь Келли нашел оригинальное решение проблем стерильного от ИСС быта. В соответствие с антиалкогольными предписаниями он отказывается от виски и переходит на питье эфира. С этого начинается поголовная эфиромания, а Дрейперстаун становится, по меткому определению местного священника, «Центром и источником питья эфира». Ирландскую популярность эфира во многом предопределил финансовый фактор: эфир был ощутимо дешевле, чем виски.

И ирландский пример не эксцессивен, массовое потребление эфира универсально для XIX столетия. На его исходе в Галиции и прусской Литве зафиксированы эфирные деревни: «В рыночные дни выдыхаемый запах эфира ощущается на каждом углу. Когда на дороге между Хейдекрюг и соседними деревнями телега, запряженная бешено скачущей лошадей, которую безжалостно хлещет хозяин, проезжает мимо путника, его обдает сильный запах эфира от восторженно кричащих седоков. Когда рынок закрывается, можно видеть множество праздных, пьяно качающихся мужчин и женщин. К эфиру приучаются даже дети раннего возраста. В результате, к тому времени, как дети идут в школу, они уже страдают умственной отсталостью. Из-за постоянного потребления эфира погибают целые семьи»¹¹. Привычка потребления эфира проникает во все социальные группы: чуть позже его употребление становится расхожим курортным занятием норвежской элиты. Данный традиционализм эфира заставляет Мортон добавит в него ароматическую отдушку — так делается авторское «открытие», изобретается «новый» анестетик летеон, свойствами которого Мортон эпатирует медицинские круги.

Кроме того, утилитаризм не позволил Мортону размениваться на эксперименты с экзистенциальным ландшафтом. Чтобы заручиться результатом, Мортон тщательно прорабатывает техническую среду анестезии. Он заказывает аппарат

летаргическое состояние, которое продолжалось с некоторыми периодами интермиссии более тридцати часов при большом угнетении духа. В течение нескольких дней пульс был так замедлен, что создались значительные опасения за его жизнь». Цит. по: Юдин С. С. Образы прошлого в развитии хирургического обезболевания // С. С. Юдин. Вопросы обезболевания в хирургии. М.: Медгиз. 1960. Сс. 514–515.

¹⁰ Данные приводятся по: Петров Г. С. Апостолы трезвости. / Г. С. Петров / СПб., 1903.

¹¹ Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков 1500–2000. / Р. Дейвенпорт-Хайнс / М.: АСТ, 2004. С. 74.

КУКСО Ксения Александровна / Kseniya KUKHO

| Регулярная анестезия: социальная рецепция ранних анестезиологических открытий |

для эфирных ингаляций — резиновый мешок, не позволяющий драгоценным парам при вдыхании распыляться.

Пройдя дантистские испытания, в октябре 1846 г. «изобретение» Мортона получает публичное признание: на месте провала Уэллса он проводит безболезненную операцию по удалению опухоли слюнной железы. Затем он занимается пациентом с болезнью спинного мозга неясной этиологии; традиционное прижигание позвоночника каленым железом он проводит без ожидаемого болевого шока. Ясно, что все эти невозможные очевидности повергают профессиональное медицинское сообщество в гипнотическое состояние. Гипнабельность усиливает таинственность состава летеона, изобретение на метод применения которого и присваивает Мортон. Пафос эпохального «изобретения» был несколько снижен лишь не рационализируемым к тому времени капризом психосоматики: в ноябре 1846 г. Мортону достается пациентка, которую не удается привести в бесчувственность перед предстоящим удалением грудной опухоли вследствие ее толерантности к эфиру.

IV. Приключения эфира в Старом Свете

Но, так или иначе, открытый американцами спецэффект тотального выключения чувственности обещал медицинскому опыту дивный новый мир. От его действительности зависело расширение горизонта хирургии — резкий скачок числа доступных для ее коррекции случаев. Поэтому трюк янки необходимо было апробировать в оперативной хирургии, как наиболее перспективной медицинской площадке. Так виртуоз от хирургии шотландец Роберт Листон, известный проведением наисложнейших в Европе операций и авторитарными для нескольких поколений хирургов трудами «Элементы хирургии» (1831) и «Практическая хирургия» (1837), после знакомства с отчетом Мортона приступает к верификации идеи последнего. В декабре 1846 г. он молниеносно разрешает случай гнойного гонита Д. Черчилля: несмотря на мольбы Черчилля, упрашивающего, чтобы хирургическое искусство обошло стороной его ногу, Листон за двадцать восемь секунд ампутирует бедро находящегося под эфирным наркозом пациента. Данный случай убеждает Листона в правомерности развернутой им кампании по изгнанию из лондонской университетской клиники анестезиологов-месмеристов. И уже к концу 1847 г. эфирный наркоз хорошо приживается в хирургическом быту профессиональной медицины Европы.

Упоение эфиром принимает диффузную форму — эфирные пары разносятся далеко за пределы операционных. В январе 1847 г. шотландский акушер Янг Симпсон принимает первые эфирные роды. Так происходит эфирная субституция экзистенциалов — боли, рождения, ужаса обыденной неразличимости. В этом отношении симптоматично, что до того как получить научную легитимацию, эфир, сумев преломить даже повседневную все на все похожесть, продемонстрировал свою экзистенциальную пригодность. Упомянутые выше случаи ирландской, прусской и норвежской эфиромании — отдельные эпизоды почти столетней истории, в течение которой эфир колонизировал быт, стирая статусные и финансовые различия. Говоря иначе, эфир надежно зарекомендовал себя в деле экзистенциальной траты. Там же, где он был призван служить самохранению, он вскоре обнаружил существенные недостатки.

Стать универсальным анестетиком эфиру помешало замеченное Симпсоном воспаление легких у пациентов, испытавших его действие. В результате — Симпсон активно экспериментирует с альтернативными веществами: «Почти год мы вдыхали и вдыхали различные пары и газы, которые только можно было достать в Великобритании»¹². Поиск альтернативного анестетика Симпсон превращает буквально в дело семьи. Как замечает его супруга: «... как проходят вечера в нашем доме? Всей семьей мы вдыхаем химические пары и ждем, когда мы без чувств повалимся на пол ...»¹³.

V. Сатанинское зелье

Именно Симпсон в ноябре 1847 г. на базе эдинбургского лазарета вводит в научный оборот хлороформный наркоз. Новый анестетик ему удалось достать у своего старинного приятеля ливерпульского химика Д. Уолди, хотя хлороформ был уже в ходу более десятилетия. С момента его синтеза (1831 г., американский аптекарь С. Гутри) хлороформ использовался в качестве растворителя каучука в промышленной фармацевтике; также его слабоконцентрированный раствор в отдельных случаях предписывали медики для облегчения астматических приступов. Уже в ноябре 1847 г. Симпсон публикует работу «Открытие нового анестетика, более эффективного, чем серный эфир», в которой отмечает мгновенный снотворный эффект и простоту использования (марля, носовой платок) хлороформа. Вскоре по его инициативе капельный хлороформный наркоз становится устойчивой средой родильного предприятия.

Данная новация вызывает массовые протестные движения в Шотландии, Ирландии и Англии. В коллективной рецепции хлороформ смешивается с эфиром — на способность последних глушить родовые страдания и тем самым уничтожить традиционный христианский символизм массы реагируют негодованием. В обыденном понимании анестетики предстают «чертовым промыслом» и «сатанинским зельем». Так глава дублинского школы акушерства В. Монтгомери категорично утверждает: «... недопустимо подавление сопровождающих их [родов] болей, которые были задуманы Всемогущим как неотъемлемая их часть, чему, разумеется, у Него были мудрые объяснения»¹⁴. Эту протестную рецепцию переломил только альянс хлороформа с властью.

По инициативе супруга в апреле 1853 г. королева Виктория рождает наследника под хлороформным наркозом. Через четыре года таким же методом родовспоможения появляется на свет и принцесса Беатриса. Дискуссионное как минимум решение принца Альберта было предопределено его просветительскими настроениями¹⁵. Его страсть к последним артефактам науки не нуждалась в обосновании — результативность таковой выступала последним аргументом в решении о необходимости их применения. Подобный выстроенный по порочному кругу прогрессизм первых лиц туманного Альбиона трансфор-

¹² Цит. по: Торвальд Ю. Век хирургов. С. 64.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Цит. по: там же. С. 67.

¹⁵ Хорошо известны выражения просветительского пафоса Альберта, привнесшие коренные общекультурные новации. Помимо поддержки анестезиологических достижений, именно он выступил инициатором проведения в Лондоне Первой Всемирной выставки (1851 г.) и развития английских железных дорог.

КУКСО Ксения Александровна / Kseniya KUKHO

| Регулярная анестезия: социальная рецепция ранних анестезиологических открытий |

мировал массовую реакцию на анестезию: после королевских родов подданных британской короны захватывает мода на хлороформный наркоз. Ей не препятствует даже широкая огласка первого случая смертельного осложнения анестезии.

В январе 1848 г. в городке Ньюкастл доктор Т. Меггисон при ординарной операции по удалению вросшего ногтя стопы теряет пациентку. Смерть Х. Гринер наступает сразу после вдыхания первых доз хлороформа. Важно, что за несколько месяцев до получения фатального наркоза Гринер хорошо перенесла аналогичную операцию на другой ноге, проведенную с применением эфира. Патогенез данной смерти вызвал в медицинских кругах ожесточенную дискуссию, каждый участник которой пытался спасти репутацию нового анестетика. Признавая вероятность отека легких как побочный эффект хлороформа, Симпсон, тем не менее, связывал летальный исход с вливанием бренди и воды, с помощью которых доктор Меггисон пытался преодолеть критическое состояние умирающей. В свою очередь, контролирующийся позже королевские роды акушер Д. Сноу, в чьих руках было сосредоточено обучение всех лондонских наркотизаторов, опознал в качестве фатального фактора передозировку хлороформом. Таким образом, Симпсон пытался реабилитировать свою капельную методику, а Сноу — продолжать пропаганду изобретенной им техники прерывистого наркоза. Только несколько лет спустя Сноу выдвинул гипотезу о возможности «паралича сердца» при хлороформном наркозе. Впоследствии данная зависимость была детализирована авторитетными анестезиологами Г. Х. Бичером и Р. Р. Макинтошем: поверхностный наркоз в сочетании с предоперационным страхом пациента вызывает выброс адреналина, что, в свою очередь, стимулирует необратимую аритмию¹⁶.

Подведем промежуточные итоги. Первая эпоха анестезии отдавала явно криминальным привкусом. Регулярным следствием эфирной анестезии было воспаление легких, а уже в 1858 г. в посмертно изданной работе «О хлороформе и других анестетиках» Д. Сноу сообщает о пятидесяти случаях остановки сердца, индуцированных хлороформным наркозом. Однако данный отчет еще долго не мешал хлороформу удерживать свои позиции — только после хирургического конгресса 1890 г. запах эфира вновь создает дежурную атмосферу операционных. Казалось бы, невинную репутацию имел только веселящий газ: спустя двадцатилетие после своих балаганных дивертисментов самоучка Кольтон учредил в США Ассоциацию дантистов, в

практике которых устойчиво применялась закись азота. В 1867 г. Кольтон приводит данные, согласно которым двадцать тысяч стоматологических процедур с применением веселящего газа обходятся без единого летального исхода. Об известных уже на тот момент приступах удушья анестезируемых Кольтон предпочел умолчать.

Не менее показательны и мутации жизненного мира создателей анестезиологии. Анестезия утверждалась на волне просветительской тотализации науки, тяжелые следствия которой символизировал их жизненный финал. Безграничная чувственность к науке, сакрализация научного разума была куплена ценой катастрофизма личной истории каждого: став закоренелым токсикоманом, Уэллс совершает в тюремной камере первый анестезийный суицид; истратив все состояние на адвокатские услуги в деле о научном плагиате, Мортон умирает в богадельне; Джексон становится постоянным пациентом психиатрической клиники.

Итак, довольно мрачная тень сопровождала анестезию уже с ее первых шагов. Но все побочные эффекты медицинской анестезии были оправданы индуцированным ей расширением хирургического горизонта. Более деструктивную в экзистенциальном плане картину дал причудливый оборот, который приняло употребление анестетиков в викторианской Англии. Именно здесь впервые отстроились физикалистские формы бытового контроля боли, обслуживающие викторианские репрезентации социального признания. Результатом этого растворения науки в жизни стала полная экзистенциальная уязвленность болью. Оккупация физического страдания научным прагматизмом, его тотальный натурализированный контроль предопределил деструкцию культурных семиотик боли. В данной ситуации носитель болевого переживания становится экспериментальным объектом эволюции фармакологических достижений, утрачивая альтернативные возможности адаптации собственного страдания. Так боль перестает быть экзистенциальным достоянием. И как следствие — в случаях недейственности фармацевтических препаратов предстает всецело репрессирующей бытийные возможности силой. Но это уже иной сюжет. Исходный этап развития анестезиологии не нанес столь сильный онтологический ущерб. Первоначальная бытовая востребованность анестетиков возникла у европейцев из запутанного комплекса анестезиологии и парамедицинских экспериментов с экзистенцией, обезболивающих веществ и идейной приверженности первых лиц Британской империи, коллективного поиска сакрального уже в сфере деятельности самого субъекта разволшебствления мира.

¹⁶ Детальную реконструкцию дискуссии о причинах смерти Х. Гринер см.: Филиппович Г. В. Обвиняется хлороформ, или дело о загадочной смерти Ханны Гринер / Г. В. Филиппович // URL: http://www.fiot.ru/clinanaesthesiology/2_2004/f_02_09_02.htm

